

Пролог

Беспокойное чувство словно рыболовная сеть вытягивает меня со дна и медленно направляет к свету. По пути встречаю самых близких...

Сначала мама... Моя мамочка! В последний раз я ее видела в пять лет, поэтому практически не помню тонкий образ, но бережно храню в закоулках памяти аромат светлых волос и то, как она улыбалась.

Мама протягивает мне раскрытую ладонь. Не успеваю её коснуться, потому что гадкая сеть всё еще управляет моим телом.

Затем сталкиваюсь с Виктором Андреевичем, мужем мамы. Он отчего-то дьявольски хохочет и потирает ладони. Справа от него вырастает Тёма, мой бывший парень. Он, как и в день, когда мы расстались, называет меня бездушной тварью и смачно сплёвывает.

Арсения я встречаю, уже почти вынырнув из толщи воды. Его глаза практически слились с цветом морской пучины, а на лице выражение горького разочарования... И уязвимости. Такой мужской уязвимости, которую не принято демонстрировать.

— Арс! — кричу я, пытаюсь ухватиться за широкие плечи любимого.

Но не успеваю, потому что сеть наконец-то вырывает моё сознание из сна, и я открываю глаза...

— Арс, — зову еще раз, проверяя рукой соседнюю подушку.

Поднимаюсь на кровати и встречаюсь взглядом с теми же глазами, что видела во сне. Только теперь в них нет уязвимости. Вообще, вряд ли в реальности кто-то видел на этом суровом лице подобные эмоции. В его руке... красная папка.

Сердце сбоят, пропускает удары один за одним. А те, что все-таки случаются, бахают прямо в рёбра.

Боже, нет, пожалуйста! Он всё узнал!

Он полуобнажён, на нем только знакомые до боли спортивные брюки. Милый шрам на плече, который я целовала много раз перед сном. Впечатляющие мышцы груди, безупречный пресс и тонкая дорожка коротких волосков, уходящая в пах.

Если он всё узнал, то я вижу его... такого в последний раз... В последний раз...

Возможно, он замечает, как дрожит мой подбородок, потому что нарушает тягостное молчание:

— Пошла вон, Арина. — Он кивком указывает на дверь.

От страха и острой боли не могу дышать. Словно снова со всей дури окунули в омут.

Его глаза холодные и пустые. На лице брезгливая маска. Ни намёка на прошедшую ночь и на то, что еще пару дней назад мне в любви признавался.

ПРЕДАТЬ НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ

— Я не виновата, Арс... — сбивчиво шепчу я. — Ты... утверждал, что каждый человек имеет право на защиту.

В меня летит нижнее бельё и мятое платье.

— Ты не человек! — цедит он глухо. — И тебе придётся за всё ответить...

Вскакиваю и не замечаю прорывающейся плотины из слез, словно в замедленной съёмке надеваю стринги и лиф. Поясницу припекает от обжигающего ненавистью взгляда.

Чёрт...

Ничего не могу с собой поделать.

Всхлипываю. Потом еще, и еще несколько раз.

Платье всё никак не могу застегнуть. Вчера этим занимались его заботливые руки, а сегодня я уже недостойна, потому что он всё выяснил.

Я так боялась, что это случится... И вот...

Оставляю попытки победить проклятый бегунок и на ватных ногах добираюсь до прихожей. За спиной ощущаю движение.

Чёрт!

В порыве страсти он разодрал на мне колготки, а запасных у меня нет. Придётся уйти так. Натягиваю высокие сапоги и хватаюсь за пальто.

— Вещи потом заберёшь, — сообщает он с отворачиванием. — Мальчика своего отправишь, если что.

Словно пиранья впиваюсь в его лицо глазами.

Лиана Коваль

— У меня нет никакого мальчика! — рывкаю, пытаюсь сдержать истерику.

— Не ври мне, сука. — Он притягивает меня за локоть и больно встряхивает. — Иначе я просто убью тебя.

Хватаю свою сумку.

— Ты можешь мне не верить, — тихо шепчу, отпирая замок. — Но это не я. Я... хотела. Но не смогла. Когда любишь, предать невозможно.

— Пошла на хрен отсюда. И бойся. Ходи по улицам и оглядывайся. Поняла?

Вываливаюсь на лестничную площадку и сбегая вниз на один этаж, плюхаюсь на подоконник. Реву навзрыд, не стесняясь. Так громко, что Елена Степановна, соседка Арсения, с которой я недавно подружилась, поспешно открывает дверь.

— Ариша, что случилось? — Она изумленно таращится на мои голые ноги в сапогах, на мое платье и залитое слезами лицо.

— Ничего не случилось, — отвечаю я, хлюпая носом, и беру свою сумочку. Вытаскиваю и открываю кошелек.

У меня *ничего* нет. Ни квартиры, ни денег. НИ-ЧЕ-ГО!

Только почему-то об этом не хочется думать. Перед глазами ненависть на любимом лице...

Глава первая

АРИНА

Я впервые пришла устраиваться на работу, о которой ничего не знаю. К человеку, при одном взгляде на которого пальчики на ногах поджимаются. Хотя я и видела его только на фотографии.

— Вам назначено? — спрашивает секретарша, женщина лет пятидесяти, и удивленно снимает очки в роговой оправе.

— Да. — Я пытаюсь справиться с собой. Эмоций куча, голос дрожит. — Арина Владиславовна Плевако. — Я делаю акцент на своей чудной фамилии.

— Да, действительно. Вы записаны на собеседование. — Дама ещё раз недоверчиво достаивает взглядом мою юбку, едва прикрывающую колени.

Закусываю нижнюю губу и мысленно ругаюсь. Так и знала, что будет слишком вычурно. В моем гардеробе нет подходящих вещей для такого официального мероприятия, как визит в адвокатскую контору «Долинский и К°».

— Арсений Рудольфович ждёт вас. Это вы с собой возьмете? — Секретарша кивает на картонную

подложку с кофе, которую я торжественно держу перед собой.

— А-а... Да. — Я мило улыбаюсь. Надежда Георгиевна, моя любимая воспитательница, говорила, что улыбка Плевако способна брать города и страны. По сей день пользуюсь.

— Ну-ну, — качает головой секретарша. — Вам туда.

— Спасибо. — Я легкомысленно пожимаю плечами, поправляя злополучную юбку. Открываю дверь в кабинет Дракулы. — Добрый день, Арсений Рудольфович, — здороваюсь я. Вроде, выходит славно.

Хозяин кабинета поворачивается от большого панорамного окна. Он без пиджака, в белоснежной накрахмаленной рубашке и безупречно отутюженных брюках. Вдобавок ко всему на нем черные узкие подтяжки, придающие образу стиль и модный налёт.

Светлые волосы аккуратно подстрижены. Лицо холёное, гладковыбритое. Перевожу взгляд на обувь, которая сверкает так, будто её только что стащили с полки в каком-нибудь ЦУМе. Я там ни разу даже на экскурсии не была, но, мне кажется, эти туфли точно оттуда!

— Вы зависли? — спрашивает он безразлично. Тоже скользит по мне взглядом и недовольно поджимает губы, когда глаза регистрируют в судебном протоколе неподобающе короткую длину юбки.

ПРЕДАТЬ НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ

Чёрт... Мне во что бы то ни стало необходимо получить это место. Надо же было всё испортить длинными ногами. Всегда полагала, что ноги должны выручать, а не топить едва начавшуюся карьеру.

— Я прошу прощения, Арсений Рудольфович.

Я улыбаюсь. Он, конечно, крепкий орешек, потому что на моё главное оружие никак не реагирует. Вообще! Ноль реакции. Эй, — в воображении машу рукой и щелкаю пальцами перед его идеальным носом. — Аллё, ты точно мужик?

— Присаживайтесь, — Дракула холодно кивает на стул. Сам устраивается в просторном кожаном кресле за дубовым письменным столом, хаотично заваленным папками и документами.

— Я... вам кофе принесла. Американо и капучино. На выбор, босс. — Демонстративно ставлю перед ним стаканчики с кофе.

В нос ударяет аромат мужской туалетной воды. Пахнет морем и чуть-чуть цитрусом.

— Кофе? — невозмутимо спрашивает адвокат, достаивая меня ледяным озером в глазах. — Зачем?

Он что, не понимает? Словно я ему в кабинет шезлонг с солнцезащитным зонтиком приволокла.

— Вам же требуется помощница. А значит, это моя обязанность, — благоразумно говорю я.

— Хм-м... — Долинский задумчиво потирает широкий подбородок. — Вы точно знаете обязанности помощника юриста? — поднимает он

бровь. — Если нет, нам лучше не тратить время друг друга. Время — невозполнимый ресурс, которым я дорожу.

— Конечно, знаю. — Я начинаю тарыхтеть, падая на стул.

Я не конченная дурочка, хотя многие так считают. Почему-то, когда люди узнают, что с пяти до тринадцати лет я росла в детском доме, сразу принимаются меня жалеть или невольно как-то подыгрывать, будто сама по себе я ни на что не способна. В моей жизни есть только два человека, которые в меня верят. Вернее, их осталось только двое...

— Ну... — Арсений Рудольфович берет в руки бумагу со стола. Подозреваю, что это мое резюме, составленное опытным хедхантером. — Арина Владиславовна... Плевако... Хм-м... Родственница?

— Кого? — спрашиваю я изумленно.

Он удручающе вздыхает, так, словно имеет дело с полной идиоткой. Мне даже кажется, что мысленно он словно пропел все матерные слова, которые помнит. Хотя откуда Мистер Совершенство знает нецензурную лексику? Наверняка его с детства обучали только на кларнете музицировать и обходить стороной таких девочек, как я.

— Вы... — Он подглядывает в резюме. — Арина Владиславовна... Вы точно окончили юридический колледж?

— Конечно. — Я облизываю сухие губы.

ПРЕДАТЬ НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ

— И вы ни разу не столкнулись с фамилией Плевако?! — Он поднял на меня полные безразличия светло-синие глаза.

Черт! Когда уже придумают, как встроить Википедию в человеческий мозг? Жутко неудобно попадать всякий раз впросак.

— Знаю, конечно. — Становится жарко, и я тянусь к верхней пуговице на шелковой рубашке. Не помню, где ее покупала, но очень порадовалась, когда среди прочего хлама обнаружила эту вещицу.

Арсений Рудольфович, вы просто не оставляете мне шанса.

Расстёгиваю верхнюю пуговицу, а за ней еще одну. Будущий босс снова не реагирует.

Да господи! После такого представления парнёк на автомойке мне машину забесплатно целый час натирал бы. А этому хоть бы что...

— Ну, и кто такой Плевако?! — грозно спрашивает Долинский, упираясь локтями в столешницу. — И прекратите вздрагивать и раздеваться. Я адвокат с десятилетним стажем, меня кружевным лифом и смазливой мордашкой не проведёшь.

Господи, пожалуйста, помоги!

Это единственное, что я мысленно воспроизвожу. Моё лицо вспыхивает под жёстким взглядом.

Мой отчим настаивал, чтобы я изучила документы в папке, которая была предусмотрительно оставлена на кухонном столе. Если бы я только послушалась!

Телефонный аппарат неожиданно брякает. Одновременно с этим в моей голове происходит спасительный микровзрыв. Точно! Как я могла *такое* забыть!

— Прошу прощения. — Арсений Рудольфович тянется к трубке.

Дорогая ткань рубашки обрисовывает внушительные бицепсы, заставляя меня снова облизнуть пересохшие губы.

— Да, — роняет в трубку адвокат, а потом удручающе вздыхает: — Пригласи её в переговорную. Сейчас подойду. — Аккуратно положив трубку на место, он откидывается на спинку кожаного кресла. Задумчиво всматривается в мой светлый образ. — Ответ готов? — спрашивает он устало.

— Конечно. — Я одариваю его ангельской улыбкой. — Плевако — известный адвокат.

— И чем же он известен? — Он насмешливо переводит взгляд с пуговицы на моей шелковой рубашке к двум нетронутым стаканам с кофе.

Легко повожух плечом. Фривольно, но на грани благопристойности.

— Неужели это так важно?! — спрашиваю я, чуть теряясь. — Арсений Рудольфович, мне крайне необходима эта работа.

Долинский снова погружается в чтение моего резюме. Длинные ресницы подрагивают, а губы сжимаются, когда из папки он достаёт еще один документ.